

— Неужели? — голос звучал так тихо, что, кроме Су Янь, его почти никто не услышал.

Однако это не помешало Сяо Вану из костюмерного цеха, который еще утром признавался Хуа Мянью в любви, пробиться сквозь толпу. Сяо Ван был парнем крупным, широким, словно дверное полотно, и, привстав на цыпочки, он поверх голов уставился на Хуа Мянью и зычно крикнул:

— Хуа Мянью, ты в порядке?

Все тут же обернулись.

Хуа Мянью уже давно не оказывалась в центре внимания такого количества людей. Ее лицо вспыхнуло, а сама она почувствовала себя настолько ничтожной, что была готова провалиться сквозь землю...

— Это она вернулась?

— Офигеть, как это она так бесшумно?

— Прямо как привидение, жутко до мурашек.

— А чего тот тип к ней пристал? Наверное, подобное тянется к подобному, ха-ха. Муха на целое яйцо не сядет, и в одиночку ладонью хлопка не выйдет. Кто просил ее быть такой странной...

Слухи и перешептывания со всех сторон долетали до ее ушей. Хуа Мянью опустила голову еще ниже, закусив нижнюю губу, спрятанную за высоким воротником свитера. Она слегка нахмурилась: она не понимала, что сделала не так, чтобы заслужить такие слова.

Ведь это ее взяли в заложники.

Она просто стояла там и красила декорации, как любой нормальный человек.

— Ван-гэ, со мной все хорошо, спасибо. Ты не мог бы... отпустить?

Хуа Мянью, едва слышно, словно писк комара, осторожно высвободила тонкую руку из хватки Сяо Вана. От волнения она машинально поправила выбившуюся прядь волос, и вдруг почувствовала, как сквозь толпу на нее устремлен тяжелый, невозможный для игнорирования взгляд. Хуа Мянью вздрогнула, подняла голову и неожиданно для себя встретила взглядом с человеком, стоявшим в самом центре софитов и отражателей, далеко в стороне.

Это был исполнитель главной роли в фильме Лохэ Шэньшу — Бай И.

Хуа Мянь: «?»

Но тот тут же отвел взгляд, словно их зрительный контакт был чистой случайностью.

А в тени, подальше от Хуа Мянь, в самой гуще людей...

— В этот момент, столкнувшись с боевым конем, который внезапно принял человеческий облик, главный герой должен испытывать внутренний конфликт. С одной стороны — удивление, с другой — попытка осмыслить прошлое. Столько лет он воевал, побеждал, и не потому ли, что у него был такой необычный скакун? В этих сомнениях в самом себе он начинает терять покой... Эй, Бай И, ты вообще меня слушаешь?

Режиссер свернул сценарий в трубку и хлопнул им по плечу красивого мужчины.

Тот, в сценическом костюме и накинутом сверху плаще, опустил глаза. Длинные густые ресницы отбросили тень на лицо, скрывая эмоции.

— Слушаю, — лениво отозвался он. — ...Кажется, вернулась та художница-декоратор, которую, по слухам, захватил какой-то сумасшедший.

Режиссер озадаченно моргнул:

— Художница? Какая еще? Великий ты наш, откуда столько свободного времени, чтобы заниматься такими пустяками?

— ...Да ниоткуда, — мужчина усмехнулся и добавил сухо: — Просто упомянул. Продолжай.

В тот день съемки закончились лишь в половине третьего ночи.

Вернувшись в отель, приведя себя в порядок и добравшись до кровати, Хуа Мянь обнаружила, что уже почти четыре часа утра. Будучи помощником художника, она занимала не последнее место в студии, да и благодаря странному характеру окружающие часто шли ей навстречу, так что у нее был собственный номер. Закрыть дверь и наконец расслабиться — вот о чем она мечтала больше всего.

...Честно говоря, она считала себя совершенно никчемной. Столько лет прошло после выпуска, а общаться с людьми для нее по-прежнему было мучением. Если бы можно было, она бы предпочла состариться в компании реквизита, красок, клея, двустороннего скотча и ножниц.

Лежа на кровати и глядя в потолок, она прокручивала в голове события вечера, кадр за кадром. Тот ледяной взгляд в лунном свете...

— ...Ножны.

Хуа Мянью прошептала это, лежа с руками вдоль тела.

— Что это вообще было?

Она перевернулась, пижама зашуршала по мягкому матрасу. От волос, которые она только что вымыла и высушила, исходил теплый аромат розового шампуня. Хуа Мянью моргнула, чувствуя, как после напряжения наваливается бездонная усталость. «Жаль такое лицо, ничем не хуже, чем у Бай И, и чего он только с ума сошел», — подумала она, испугавшись собственной мысли.

Последнее, о чем она думала перед сном, было ледяное лицо того безумца.

Ночь была полна сновидений.

Станным образом, словно со стороны, она снова и снова видела ту сцену: она на стуле у ворот княжеского особняка, а он — в лунном свете. Он говорил:

— Ножны меча Угуй у тебя?

— Отдай ножны меча Угуй.

— Мой Угуй отчетливо чувствует резонанс ножен. Отдай их немедленно, и я дарю тебе жизнь!

...Через четыре часа она проснулась в холодном поту. Девушка сидела посреди большой кровати, ее длинные волосы спутались. Она долго смотрела в одну точку, а потом машинально потрогала себя за шею...

— ...

Хорошо, голова все еще на месте.

Но ощущение холодной стали у горла во сне было слишком пугающе живым.

Хуа Мянью тяжело вздохнула, отбросила лишние мысли и выбралась из постели. Вчера она работала в ночную смену, сегодня утром ее подменяли коллеги, так что она могла не спеша умыться, одеться и спуститься вниз, чтобы успеть на завтрак в отеле.

Зимой горячие, пышные паровые булочки — самое то.

Зажав одну булочку в зубах и прихватив пакет с остальными, она отправила сообщение Су Янь, которая с самого утра была на площадке и требовала завтрак: «Скоро буду, попей пока воды, чтобы перебить голод». Хуа Мянью не торопясь вышла из отеля.

Утром у входа было немногочисленно, и это ее радовало.

В хорошем настроении она тихонько напевала под нос. Булочка была горячее, обжигала зубы, и когда на улице ее обдал холодный зимний ветер, она выпустила булочку изо рта — и тут же ловко поймала ее маленькой рукой, начав дуть на нее, как маленький щенок.

В этот самый момент ее движение застыло — она так и осталась стоять с открытым ртом.

В ста метрах от нее, в лучах утреннего солнца, прислонившись к дереву, стоял тот самый мужчина с ледяным лицом... Все в той же черной древней одежде, с тщательно уложенными волосами. Только вот за спиной больше не было того приметного меча.

Он закрыл глаза, отдыхая, но стоило Хуа Мянью выйти из дверей отеля, как его холодные, лишённые всяких эмоций глаза распахнулись. Он встретился взглядом с ней — растерянной девушкой, которая с надеждой прижимала к себе горячую булочку.

Хуа Мянью: «...»

Гром среди ясного неба.

Он все еще здесь.

Он все еще здесь.

Он все еще здесь.

Этот безумец, этот ледяной болван.

Он что, пришел за ней?

Он что, всю ночь караулил ее у входа в отель?

.....Не может быть?

Ах.

Я сейчас сойду с ума.

Она с широко открытыми глазами смотрела, как мужчина делает шаг в ее сторону. Хуа Мянью хотела развернуться и убежать, но ноги словно приросли к земле.

Хорошее настроение испарилось, сменившись ужасом.

Она беспомощно ждала, пока он подойдет. Высокая фигура накрыла ее своей тенью. Мужчина был холоден и краток:

— Ножны.

.....Уже до такой степени перешел на односложные фразы.

У Хуа Мянью дрогнули губы, руки затряслись. Под его ледяным взглядом она подняла булочку, на которой остался отпечаток ее зубов, и протянула ему:

— П-п-п-привет, ты завтракал?

— ...

— ...

Атмосфера.

Кажется, снова стала неловкой.

Атмосфера на месте была такой, что никто не знал, что делать.

Хуа Мянью чувствовала, как взгляд мужчины прикован к булочке в ее руках. На мгновение ей показалось, что он и правда хочет откусить кусочек. Она осторожно проследила за его молчаливым взглядом, опустила голову и только тогда заметила след от своих зубов — ее бледное лицо мгновенно вспыхнуло, и она поспешно спрятала булочку:

— П-прости, я забыла...

Мужчина: «...»

Тем временем другие сотрудники съемочной группы начали просыпаться и выходить из отеля. Пара — мужчина в черном историческом костюме с суровым лицом и длинноволосая девушка в молочно-белом пальто, чье лицо наполовину скрыто шарфом, — выглядела довольно приметно. Прохожие невольно оглядывались.

Впрочем, никто не находил это странным... В конце концов, это отель рядом с кинобазой, каких только чудаков в странных нарядах здесь не встретишь.

Но для Хуа Мянью ситуация была невыносимой... Она огляделась по сторонам в поисках подмоги, но никого не было. С разочарованием она перевела взгляд обратно на мужчину и набралась смелости посмотреть ему в глаза.

Вокруг люди, меча у него нет, чего бояться?

Она мысленно подбодрила себя, вспомнив, как минуту назад он упомянул «ножны», и решила, что, возможно, он хочет извиниться за вчерашнее. Хуа Мянью глубоко вздохнула, натянула на лицо неестественную улыбку и как можно более непринужденным тоном произнесла:

— Кстати, насчет ножен... Вчера, ну, это все было недоразумением. Тебе не нужно извиняться.

Мужчина поднял бровь, но промолчал.

Хуа Мянью: «...»

Ее и без того натянутая улыбка начала сползать.

.....Я же тебя простила, почему ты еще не ушел? — вопила она про себя, сохраняя внешнее спокойствие. — Поэтому ты пришел извиняться в той же одежде, что и вчера? Только что со съемок?

Хуа Мянью, совершенно не умеющая общаться, не знала, что такие любезности подходят только для знакомых — а уж для человека, который вчера приставлял меч к ее горлу, это было совершенно неуместно.

Сюаньцзи посмотрел на девушку, приподнял бровь, не поняв второй части ее фразы, и ответил на первую:

— Я ждал тебя здесь. Всю ночь.

Хуа Мянью открыла рот, ошарашенная: что он несет? Ждал ее? Всю ночь? Ради извинений?

— Ножны, — Сюаньцзи наконец выказал признаки нетерпения. — Отдай.

Хуа Мянью: «...»

Оказывается, он пришел не извиняться.

Она наконец поняла, но не почувствовала неловкости за свою самоуверенность — само присутствие этого человека давило на нее так сильно, что она была готова провалиться сквозь землю...

Она посмотрела на остывшую булочку в руках, осторожно откусила кусочек и, глядя в свои ботинки, тихо сказала:

— Почему ты так упрямисься? Я правда не знаю, о каких ножнах ты говоришь. Мы в реквизиторском цехе каждый день ведем учет, все по накладным. Если чего-то не хватает — значит, реквизит испорчен, но лишнего у нас точно нет...

Она жевала, чтобы хоть как-то унять нервную дрожь, проглотила мягкое тесто и опустила взгляд еще ниже:

— Если ты уверен, что наш цех взял твой реквизит, я могу прямо сейчас отвести тебя на склад, ищи сам.

Сюаньцзи с некоторым удивлением посмотрел на девушку.

Впервые с прошлой ночи она говорила так четко, так быстро и так длинно, будто выучила текст наизусть... Хотя голос был таким тихим, что, кроме него, мастера боевых искусств, никто бы и не разобрал.

Он помедлил, слегка нахмурившись:

— От тебя исходит дыхание ножен...

— ...

Боже, хватит.

Что за чушь про «дыхание ножен», которую ничем не доказать...

С того самого момента, как он появился среди ночи, приставил к ее горлу опасный клинок и начал твердить, что она украла его вещь, он не привел ни одного доказательства.

Одни лишь безумные бредни!

И в полицию они ходили...

С тех пор как в старшей школе у нее украли кошелек, она годами не была в полиции. Она законопослушный гражданин, но такие места вызывают у нее лишь стыд и напряжение!

Мало того, что вчера он выставил ее на посмешище, так сегодня утром продолжает? Ему так весело издеваться над ней?!

Может, он с кем-то сговорился? Наверняка где-то поблизости прячутся его дружки и потешаются над ее неловкостью?!

Точно, так и есть.

Люди такие скучные, она старается не лезть к ним, почему они обязательно должны лезть к ней на голову?

Гнев ударил в голову.

«Уровень мужества» внезапно пополнился.

— Д-да мало ли что ты говоришь! — Хуа Мянь подняла голову и уставилась на него. — Я правда не видела никаких ножен! Если продолжишь меня оговаривать, я разозлюсь!

— ...

— ...

— ...

—

Подул северный ветер.

Эхо ее слов «я разозлюсь», «разозлюсь», «злюсь», «злюсь» унеслось куда-то вдаль...

Кажется, она крикнула слишком громко.

Некоторые прохожие удивленно оглянулись, а увидев, что кричит Хуа Мянью, удивились еще больше.

Сюаньцзи молча смотрел на ее напряженное лицо. За те десять минут, что они стояли, она впервые полностью показалась из-за шарфа.

Уголки губ...

Мужчина поднял руку, и его грубый большой палец быстро коснулся ее губ, сжатых в тонкую линию от напряжения.

Хуа Мянью: «□□□□»

Хуа Мянью: «□□□□»

Игнорируя ее ошарашенное лицо, мужчина перевернул ладонь и посмотрел на коричневое пятно на большом пальце, текстура которого напоминала пасту из красных бобов: ...не кровь.

А в это время мужество Хуа Мянью иссякло. Ощущение грубой кожи на губах все еще жгло, незнакомый мужской запах все еще витал в воздухе... Она снова сжалась в комок, пальцы, сжимавшие булочку, непроизвольно напряглись, выдавив немного начинки. Она спрятала лицо в шарф:

— ...Прости.

Стоявший напротив мужчина опустил руку, глядя на нее так, будто даже не осознавал, что его поступок был неуместен и вызвал настоящий хаос в душе девушки. Он ответил спокойно:

— Ты же только что была так полна решимости, почему извиняешься?

Это был простой вопрос, лишенный насмешки, чистое недоумение, но он заставил Хуа Мянью съежиться еще сильнее.

Хуа Мянью была в отчаянии:

— Я на тебя накричала.

Сюаньцзи: «...»

Когда на невозмутимом лице мужчины промелькнуло удивление из-за ее странных извинений, Хуа Мянью поспешно бросила: «Я правда не брала твоих вещей, ты, должно быть, ошибся человеком», — и бросилась наутек. Она бежала со всей возможной скоростью, хотя со школы не могла сдать норматив на восемьсот метров. Пробежав сотню метров и не услышав шагов за спиной, она замедлила бег... и, поддавшись искушению, оглянулась. Мужчина, назвавшийся И Сюаньцзи, все так же стоял на прежнем месте и смотрел ей вслед.

Хуа Мянью: «...Ой».

Он не расхохотался, не позвал дружков, чтобы посмеяться над ней;

Не бросился в ярости в погоню, чтобы выбить из нее ножны.

Он просто стоял и молча смотрел, как она убегает.

Если это правда, что он прождал ее всю ночь на морозе у отеля, то он либо сумасшедший, либо действительно верит, что она взяла его вещь.

Но когда она отрицала это, он не стал настаивать на своем или вести себя агрессивно.

Ощущение прикосновения к губам все еще осталось.

Она хотела потереть их, но, осознав, что делает, тут же опустила руку.

Она нахмурилась, сцепив пальцы на груди.

...Странно.

Этот человек ну очень странный.

Булочка в ее руке раскачивалась, словно маятник. Хуа Мянью снова оглянулась на едва различимую фигуру: он даже одежду не сменил, неужели правда прождал всю ночь, не спал? Не ел? Интересно, он проголодался?

А, плевать.

Это не ее дело, не ее дело.

В глазах окружающих она и так достаточно странная, ей не нужно, чтобы рядом крутился еще более странный человек, привлекая внимание.

Через десять минут.

Добежав до съемочной площадки, она раздала часть булочек Су Янь, а с остальными уселась в реквизиторской машине, болтая ногами.

Вообще-то, она была очень голодна.

Но теперь, перебирая все в голове, она совсем забыла про завтрак... Нахмурившись, она сменила десятую позу за полчаса.

Все мысли — об утреннем незнакомце.

Чего он вообще хочет?

На плохого человека он не похож.

.....Ладно, ладно. Может, сегодня после смены сходить на склад и все тщательно пересчитать, вдруг там и правда завалялось что-то похожее на «ножны»?

В этом году набрали стажеров, вдруг кто-то по ошибке притащил чужой реквизит? Некоторые вещи стоят очень дорого, если их потерять, вполне понятно, почему человек так нервничает.

— Эх.

Хуа Мян timer тихо вздохнула, понутив голову.

— ...Булочкой не поделишься?

Когда над головой раздался мягкий голос, Хуа Мян timer, не поднимая глаз, машинально протянула пакет:

— Конечно. Круглая — с мясом, треугольная — с бобовой пастой. Немного остыли, ты...

...Э?

Голос оборвался, Хуа Мян timer растерянно подняла голову.

В следующую секунду она встретила взглядом с парой глаз, в которых светилась мягкая улыбка. Точно такая же, как вчера вечером, когда он смотрел на нее сквозь толпу... тысячи девушек были готовы пасть к его ногам от одной этой улыбки.

Это был Бай И.

<http://bllate.org/book/21766/2250912>